

ДА, РАВНОДУШИЕ НЕСОВМЕСТИМО С ТВОРЧЕСТВОМ!

Было время, когда наш, киргизский, — может быть, самый молодой в стране, — балет считался одним из лучших в Средней Азии. Не то, к большому сожалению, теперь.

Приходите к нам на рядовой спектакль — именно на рядовой, на премьеры еще кое-что получается, — и вы убедитесь в этом. После 5—6 первых представлений спектакль, как у нас говорят, «разбалтывается», от рисунка танца, от заданных мизансцен почти ничего не остается... О так называемых старых спектаклях — и говорить нечего. Первые зрители, авторы, постановщики их просто не узнали бы сегодня — от разного рода отсебятии, наслоений, «исправлений» они стали неузнаваемыми.

Создается впечатление (пусть не обижайтесь мои товарищи), что весьма многие артисты танцуют, не заботясь о художественной выразительности, об образе, который обязаны воплотить. Лишь бы, как у нас говорят, «станцевать в музыке», попасть в ритм, не сбиться с такта. Горько об этом говорить, но это так.

Читатель спросит меня: отчего же так стало? В чем причина? Отвечу: главное в том, что в балет-

ном коллективе нашего театра нет сегодня подлинно творческой атмосферы. А это, в свою очередь, происходит от первоначины: балет лишен художественного руководства. Нет сейчас в театре человека, который увлек бы за собой коллектив, вдохновил бы товарищей по творчеству высоким идейно-художественным замыслом, собственным порывом, полетом мысли...

Да, у нас есть балетмейстеры. Но они, по моему глубокому убеждению, не готовы к осуществлению именно такой высокой миссии, без которой нет искусства. Театр, как известно, искусство коллективное. Но его нет без лидера, без вождя, и роль яркой творческой личности во главе коллектива трудно переоценить. Такой человек обязан быть не только постановщиком, режиссером балетного спектакля: он должен быть и воспитателем, педагогом. Ведь балет — искусство, творимое молодыми! И тут нужен, как, может быть, ни в каком другом искусстве, глаз да глаз.

Разве можно, например, мириться дальше с тем, что ни с кем из солистов балета нет индивидуальной, творческой работы, работы

репетиционной, в классе (балетном зале). Да что там говорить об этом: наши балетмейстеры просто лишены способности творчески разговаривать с людьми: не редкость у нас услышать или грубые, доходящие до оскорблений, окрики, или пустопорожнюю болтовню. Приходится советовать с собою или — с зеркалом...

Правда, есть у нас способные педагоги из числа солистов (У. Сарбагшиев, А. Халдранова). Но они ведь сами занимаются вместе с нами, им самим тоже нужен тренаж. А постоянного репетитора для солистов у нас нет. С. Кабеков занимается, но только с кордебалетом. Балетмейстеры в класс не приходят. Солисты репетируют одни, без постороннего глаза — по какой в этом смысл? Получается впечатление, что вся работа балета вообще рассыпалась бы, если бы не один человек: наша Ольга Ивановна Терентьева, старейший работник театра, инспектор балетной труппы. Не мало ли для серьезного творческого коллектива?

Нет повседневной напряженной работы, без которой — нет творчества. Нет в коллективе критики и самокритики. Привыкли мы к

тому, что нас хвалят. Порою говорим о недостатках, но преимущественно в кулуарах; прямо в глаза — ни-ни. Бонмоя. Чего? А почему бы не быть у нас тому элементарному порядку, как в других театрах: балетмейстер, посмотрев очередной спектакль, сообщал бы на следующий день в устной беседе или в приказе по театру, кто как танцевал, какие замечания, как выдержана линия и т. д.?

Руководство театра сплошь и рядом пользуется окриками, угрозами, администрированием. Но разве такими «методами» можно поднять уровень творчества? Сошлюсь на пример своей недавней практики. В марте я танцевала партию Авроры в «Спящей красавице», танцевала гораздо хуже, чем обязана. А почему? Я не выступала в этой роли около семи лет. И вдруг получаю приказ: за 4—5 дней (притом из них — 2 выходных) подготовиться и танцевать. «Надо спасать спектакль». Получается, что нас толкают на путь халтуры, провинциального премьерства. Удивительно ли, что вследствие такой «воспитательной работы» некоторые из моих товарищей утрачивают интерес к истинному творчес-

ву, довольствуются достигнутым, зазнаются?

Оперный коллектив заметно подтягивается ввиду довольно частых выступлений на нашей сцене мастеров-гастролеров. Но почему эта практика не внедрена в балете? Боюсь, что здесь сказывается негодная для нашего молодого искусства негласно бытующая «теория»: хоть плохо, да свое...

Нет у нас сейчас вечеров балета, творческих отчетов солистов перед зрителями. И вообще создается впечатление работы «на себя», для выполнения финансового плана театра. Я уже говорила, что внутри коллектива критики у нас почти нет. Слаба у нас и профессиональная балетная критика в прессе. Но, может быть, у нас чуть-чуть прислушиваются к мнению зрителей? Ничуть не бывало. Не могу и вспомнить, когда в театре была последняя зрительская конференция. Кое-кто успокаивает себя: зрители, мол, на балетные спектакли все-таки ходят.

Чуть не забыла сказать еще об одном примере непонятного равнодушия руководства театра к судьбам балета: у нас нет не только репетитора, но и своего планиста-концертмейстера (для репети-

ций, для занятий в классе). И так уже не один год.

Таковы наши «внутренние» дела, то, чего не видит зритель. А что он видит? Что мы дали нового за последние годы? Вот уже почти два года, как состоялась наша последняя «большая» премьера — «Ромео и Джульетта». Спектакль шел не без успеха и у нас, и в Алма-Ате. Но надо ведь прямо сказать: это была мало самостоятельная, во многом копировочная постановка. Затем были поставлены миниатюры («Франческа да Римини», «Египетские ночи», «Испанское каприччио»). Со всей ответственностью говорю: хотя в спектакле есть отдельные удачные, в целом — это работа невысокого вкуса и мастерства.

Нет и все наши «новости»...

Говорят, что собираются поставить у нас «Три мушкетера» молодого ленинградского композитора В. Баснера. Казалось бы, хорошо. Но неужели мы так никогда и не попытаемся поставить новый, на темы современности, советский балет и новыми, современными художественными средствами? Неужели мы так и обречены до конца дней своих танцевать волшебниц и принцесс?

Горько и больно обо всем этом говорить. Но необходимо привлечь внимание общественности, Министерства культуры и творческой судьбе нашего театра.

Нужно всерьез подумать о будущем нашего балета, о подготовке новых его мастеров. В основном театр наш черпает пополнение из выпускников Республиканского музыкально-хореографического училища им. Куренкеева, и оно дало ряд одаренных артистов (Б. Суллов, А. Наниболотская, Э. Чернаева, В. Коваленко и другие). Но посмотрите, в каких условиях занимаются девочки и мальчики в училище сейчас? Теснота неминуемая. Отсюда — и недочеты в профессиональной подготовке.

А самое главное — как можно выше взыскательность к себе, к своей работе! Новое время, новый, сегодняшний зритель предъявляют нам все новые требования. И я верю, что киргизский балет, которому отдана вся моя жизнь, еще выше поднимет свою славу и расцветет новым ярким цветением!

Б. ВЕИШЕНАЛИЕВА,
солистка Киргизского ордена
Ленина академического театра
оперы и балета, народная артистка СССР.